

УДК 008:27-528

DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.012

Музыкальная средневековая эстетика и ее связь с православной аскетикой

Ерзаулова Анна Геннадьевна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры философии и социальных наук,
Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
298635, Российская Федерация, Ялта, ул. Севастопольская, 2-а;
e-mail: erzaulova@mail.ru

Аннотация

Средневековье, охватывающее почти тысячелетие, пронизано христианским вероучением о бытии и характеризуется формированием основополагающих христианских догматов, которые стали впоследствии религиозно-философским фундаментом всего христианского учения, это явление получило название патристика. Основы христианского вероучения разрабатывали мыслители, произведения которых включали в себя религиозно-философские представления о сущем. Впоследствии их стали называть Отцами церкви, а литературу, созданную ими, «патристикой». Главной темой мыслителей стало взаимоотношение философии и религии. Под влиянием таких философских учений позднего эллинизма как неопифагорейство и неоплатонизм, формируется средневековая музыкальная эстетика, которая воспринимает от античного наследия склонность к числовой символике и аллегорическое истолкование музыки, что сближает ее с поэтикой и грамматикой. В основе музыкальной эстетики средневековья лежала православная аскетика, как наиболее совершенное искусство, которым способен овладеть человек.

Для цитирования в научных исследованиях

Ерзаулова А.Г. Музыкальная средневековая эстетика и ее связь с православной аскетикой // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 94-101. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.012

Ключевые слова

Средневековье, патристика, православная аскетика, богослужебная певческая культура, музыкальная эстетика, метафизика, синергия.

Введение. Музыкальная эстетика средневековья и ее связь с православной аскетикой

Античная и средневековая эстетическая мысль особое внимание уделяли ритмической организации искусства. Ритм, в период греческой классики, одним из первых начал осознаваться как собственно эстетическая категория. Он составлял основу всех мусических искусств, к которым греки с древности относили танец, музыку, поэзию, а позже, со времен Платона, изобразительные искусства. Именно осознание ритма как одной из главных закономерностей живописи и пластики позволило грекам ввести их в состав мусических искусств и распространить на них многие принципы, разработанные общей теорией мусических искусств – «музыкой». Музыкальная эстетика в период возникновения патристики была очень противоречива. В эпоху средневековья музыку признавали, но считали ее скорее вредной, чем полезной, так как она увлекала слух и расслабляла чувства. Но, несмотря на все возникающие противоречия, отцы церкви не смогли от нее отказаться. Василий Великий так рассуждал о пользе музыки: «Мудрые врачи, давая пить горькое лекарство имеющим к нему отвращение, нередко обмазывают чашу медом. С этой целью изобретены для нас эти страстные песнопения псалмов, чтобы дети и вообще не возмужавшие нравами, по-видимому, только пели их, а в действительности обучали свои души».

Основная часть

Ключевым моментом в формировании музыкальной средневековой эстетики явились не литературное и художественное наследие древнего христианства, а религиозные и литургические потребности первых христиан, прежде всего необходимость общего участия в богослужении, которая выразилась в создании припевов, затем тропарей, которые раскрывали задачи Церкви, её богословские новшества - «триадологическое и христологическое видение» [Василик, 2006]. Канон, в певческой богослужебной традиции, является образцом высшего, совершенного и идеального порядка, незримой иконой небесной иерархии, структуру которого отражает и воплощает на земле богослужебное пение. Песнопения становятся особого рода действием, которое своим духовным содержанием освящает человеческое сердце и делает его открытым для беседы с Богом. Так возникает отчётливое пневматологическое и мистическое измерение, которое занимает центральное место в общественной и культурной жизни не только христиан первых веков, но и современных православных христиан.

Для того, чтобы перейти к сути аскетического опыта, заложенного в православной аскетической традиции, необходимо сконцентрировать внимание на существенном отличии художественной самореализации человека, касающейся чувственно-воспринимаемого и аскетической самореализации, которая касается умно-постигаемого.

Русский философ П. Флоренский так описывает понятие аскетики: «Аскетику, как деятельность, направленную к тому, чтобы созерцать Духом Святым свет неизреченный, Святые отцы называли не наукою, и даже не нравственной работой, а искусством – искусством, мало того, искусством и искусством по преимуществу – „искусством из искусств” и „художеством из художеств”» [Флоренский, 2001].

Мистическая традиция, или аскетика восточных отцов, сформировала своеобразный опыт покорения и принуждения естественных человеческих сил, его способностей, всего сложного

психофизического состояния духовному совершенствованию. В процессе обновления участвуют не только тело, но и ум, воля, чувства, содействуя и помогая другу другу. Аскетическое воспитание наиболее помогает душе и уму, духовно-телесной личности. Трезвение ума, очищение от всего внешнего и постороннего возвращают человека к цельности и простоте, помогают достичь новых духовных высот. Во многом мистика восточных отцов близка идеям Плотина: «Так душа не имеет света, когда она лишена его присутствия; озаренная Им, она имеет то, чего искала» [Архимандрит Киприан, 2006]. На протяжении всего средневековья развиваются мистические идеи, приобретая устойчивую традицию в развитии музыкальной культуры, и в частности, богослужебного пения.

Воззрения на музыкальную культуру, существовавшую в общем контексте раннехристианской эстетики, являются для нас ценным источником, без которого исследование на заданную тему будет неполноценным. Размышления об аскетическом воздействии музыки прослеживаются в основных музыкальных трактатах этого времени, в которых музыка способна не только воспитывать нравы и смягчать характеры, но, исцелять болезни и исправлять пагубные страсти. Главное предназначение музыки в эпоху средневековья – благочестие души и врачевание духа.

Так, аскетизм, свойственный раннехристианской эстетике, находит свое применение в богослужебно-певческой практике.

Как пишет С. Хоружий: «Человек предстаёт здесь как динамичное целое, недробимое и в то же время сложносоставное и многообразно-активное, истинный характер которого совершенно непередаваем ни механическими, ни органическими моделями (коим чрезмерно доверяются столь многие антропологические концепции), как уникальное во всей картине реальности „онтологическое орудие“, находящееся в движении к полноте бытия, несущее в себе непостижимую способность и тягу к преображению: к тому, чтобы таинственно собрав в себе здешнее бытие в некий единый фокус, достичь его актуальной онтологической трансформации, претворения в иное бытие, свободное от ига конечности и смерти» [Хоружий, 2000].

Системное оформление, структурирование и концептуализация музыкально-аскетического опыта, выкристаллизовалось гораздо позже. Богатство святоотеческого опыта, нашло свое отражение в культуре Византии: в искусстве и архитектуре, литературных памятниках, великом литургическом наследии, канонических трудах греческих и восточных отцов. В своих эстетических воззрениях культура Византии касалась в первую очередь возвышенных проблем человеческого духа, разрешая вопросы взаимодействия церкви и государства, изучая античное наследие, размышляя о философско-богословских текстах христианских мыслителей. Величие византийской империи раскрывалось в ее внутренней духовной силе, которую олицетворяла христианская культура, наполняющая все сферы жизни ромеев, освящая их молитвой и священнодействием. Все виды художественной культуры – зодчество, поэзия, философия, литература и музыка, имели единственный источник – вдохновлялись христианским идеалом, были пронизаны великой традицией отеческого предания и церковных канонов. Даже государство подчинилось этой живой стихии церковности и приблизилось к идеалу теократии. Высокие образцы культуры свидетельствовали об утонченности и изысканности вкуса, и стали абсолютным примером для подражания на Западе. Но наибольших высот византийский гений достиг в том, что жизнь не была отделена от религии.

Находясь в духовном поиске, невозможно получить готовые добродетели, это всегда результат усилий, внутренней борьбы, когда человек устремляется к очищению, возвращая первозданную «царскую» красоту своему естеству. По мнению отцов церкви, человек есть

средоточие всей вселенной, он завершает все творения мира и занимает самое важное место в системе мироздания, имеет особый дар, который отличает его от всех разумных существ, дар творчества. Как самое прекрасное создание человек наделен разумом и свободой, способностью восстановления своей собственной природы. Обновление и нравственное возрождение человека начинается в покаянии. С. Хоружий пишет: «Покаяние – это глубочайшее сокрушение о грехах. Острое переживание своего падения в страсть, как порчи и осквернения человеческой природы – а с тем и бичующее самоосуждение, отвращение к себе – „совестное жжение” – и тяга как можно скорей, немедля стряхнуть с себя, извергнуть из себя страсть; порыв к очищению и обновлению души». Покаяние приносит человеку не обеднение, но обогащение. По учению Григория Паламы и других святых отцов, человеку необходимо восстановить духовное равновесие для того, чтобы достичь высшей христианской добродетели, называемой любовью. Евагрий Понтийский называет любовь «внучкой бесстрастия», а Диадок Фотикийский говорит о том, что «только любовь ведёт к бесстрастию». Внутренне борение в приобретении добродетельной жизни можно рассматривать как аскетику. Монашеская традиция использовала аскетический опыт для отсечения своей воли, направления всех душевных и телесных сил на приобретение всего чистого и добродетельного.

В этом смысле становятся понятны изречения святых отцов о том, что необходимым условием организации правильного пения является правильно организованная жизнь. Деятели христианской церкви внимательно следили за тем, чтобы музыка служила лишь обрамлением слову, помогала распространению религиозной мысли.

Музыка занимает особое место в освоении мира: «Как средство постижения мира путём приобщения человека к красоте мира, внося тем самым свою лепту в мирообустройство и превращая дикое необжитое пространство в упорядоченную цивилизованную среду» [Мартинов, 1994]. Главная отличительная особенность богослужебного пения – развитие и возвышение внутреннего человека и глубинное слияние с подлинным бытием.

Богослужебное пение может рассматриваться как аскетическая дисциплина, как процесс, приводящий все силы и уровни человеческого существа в такой порядок, при помощи которого возникают реальные предпосылки для достижения совершенства. Аскетический опыт выражается в сознательном контроле процессов, происходящих на душевном, духовном и телесном уровнях и правильной их координации. О правильно организованной внутренней духовной жизни можно говорить только тогда, когда есть наличие плодов от душевного и телесного труда. Утрата аскетического опыта приводит к утрате постижения глубины бытия и поэтому присутствие духа переживается как умозрительный факт.

Проявлением глубинных свойств пения, как аскетической дисциплины, является византийская система осмогласия и её основополагающий принцип, в виде строгой мелодической структуры, закреплённой за конкретным текстом и действием. А сам мелодизм скреплён интонационно-артикуляционным принципом со строгим ритмом. Слово составляет артикуляционную основу интонирования. Невозможно существование мелодической структуры без текста, так как через слово оживает мелодическая структура.

Поэтому звуковые структуры в богослужебном пении лишь сопровождают духовные и психические процессы, происходящие в душе человека. Богослужебная певческая система первоначально не знала понятия звука и не имела точной звуковысотной фиксации. Глубинное понимание такого отношения к музыкальному материалу кроется в ином понимании: с позиции аскетического мышления самого звука, который напрямую связан с мыслительной деятельностью человека. Пение, ссылаясь на В. Мартынова, можно охарактеризовать как:

«Свободно льющийся звуковой мелодический континуум (который можно назвать молитвой)».

Важным является создание такой теории, которая бы позволяла организовать мелодические структуры и систему их построения. Пробуждая сознание, правильно организованное пение подвигает его к действию. Поэтому, певческий процесс включает в себя ряд компонентов – организационные действия-поступки, активную работу сознания, движение голоса и артикуляцию.

Последовательность знаков указывает направление мелодии и связано с движением сознания – в этом проявляется единство интонации и артикуляции. Артикуляционно-интонационная система строится на повторении определённых текстов, произносимых во время богослужения в течение дня, недели и т.д. Полное повторение происходит через каждую неделю, а самый большой и полный круг – годовой.

Сочетание текстовых комбинаций меняется и обновляется. Круговая текстовая структура отражается в системе осмогласия. Каждый глас длится неделю, а полностью все гласы пропеваются за 8 недель и такой цикл называется «столпом», который состоит из определённого набора мелодических структур. Каждому тексту в богослужебной практике приписывается свой глас. Поэтому конкретный текст богослужения зависит от определённой мелодической структуры. Формообразующим фактором сочетания богослужебных кругов и образования мелодии является «Типикон», он необходим как практическое применение певческих богослужебных книг.

Невменные знаки, которые византийская система осмогласия использует в богослужении, переводят сознание из сферы земной и материальной в вечную, отрывают от физического и обращают к духовному. Поэтому организация звукового материала обуславливается и зависит от правильной жизни, при этом мелодические структуры должны оцениваться не мелодически, а с точки зрения аскетики. Здесь мы подходим к сути богослужебной певческой системы.

В православной аскетике любой образ или представление, проникающее в сознание человека, называется помыслом, с которым необходимо бороться при помощи молитвы. Под борьбой с помыслами, в православной аскетике, понимается молитвенное усилие, которое противостоит греховным мыслям, помыслам и мечтаниям. Как пишет авва Ивагрий: «Всякий, кто живёт серьёзной духовной жизнью, должен вести невидимую брань с помыслами, без которой недостаточно телесной аскезы и добродетельных поступков».

Если подвижническая аскетика, в отличие от любого вида искусства, познаёт красоту в её онтологическом значении, то музыка познаёт красоту этого мира через музыкальный звук.

Подобно тому, как для извлечения музыкального звука необходим музыкальный инструмент, в формировании молитвенного звука участвует всё естество человека. Иоанн Златоуст пишет: «Станем же флейтой, станем кифарой Святого Духа. Подготовим себя для него, как настраивают музыкальные инструменты. Пусть он коснётся плектром наших душ» [Лада, 2001]. Так богослужебный певческий звук должен стать сокровенным внутренним словом, противоположным музыкальному звуку. Эту разницу можно отчётливо рассмотреть при сравнении ноты, изображающей конкретный музыкальный звук, его звуковысотность и точную продолжительность, и невменный знак – указывающий на соотношение между звуками и направление движения интонации. Ещё более важной особенностью невмы является связь со словом, что представляет собой интонационно-артикуляционную систему, которая обусловлена словом и не может мыслиться вне его. Необходимым условием существования такой системы является наличие слова. Так как первые богослужебно-певческие нотации не фиксировали точный звуковысотный уровень и интервальные соотношения, а показывали только

направление мелодической интонации того или иного слова, люди, в процессе исполнения богослужебных песнопений старались правильным образом организовать свою жизнь и, как следствие, правильно организовать движения своего голоса.

Таким образом, можно сказать, что аскетический опыт проявляет себя в формах богослужебного пения, являя нам новый тип культурологической концепции, базирующейся на святоотеческом опыте, в котором: «Правильное пение есть следствие правильной жизни, а правильная жизнь уже есть пение, ибо правильность жизни заключается именно в гармонической упорядоченности психофизической природы, в причастности её к высшему гармоническому звучанию вселенной, прославляющей Бога»¹.

Заключение

Для понимания певческой культуры необходимы навыки аскетического оценивания, которые связаны с аскетической традицией, практически утерянной в наши дни. Поэтому для того, чтобы приступить к изучению богослужебного пения, необходимо сначала изучить саму проблему аскетического преобразования сознания, потому что там, где нет устной традиции, опирающейся на аскетическую практику, не может быть и воспроизведения мелодического архетипа.

Библиография

1. Архимандрит Киприан. Антропология св. Григория Паламы». – Киев, 2006. – 434 с.
2. Архимандрит Плакида Дезей. „Добротолюбие” и православная духовность / Плакида Дезей, архимандрит. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. – 384 с.
3. Василик В. В. Происхождение канона (Богословие, история, поэтика) / В. В. Василик. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. – 306 с.].
4. Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие / С. Л. Епифанович. – М. : Мартис, 2003. – 220 с.
5. Манзаридис Георгий. Обожение человека. По учению святителя Григория Паламы / Георгий Манзаридис; пер. с англ. В. Петухова. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. – 127 с.
6. Мартынов В. И. Конец времени композиторов / В. И. Мартынов; послесл. Т. Чередниченко. – М. : Русский путь, 2002. – 296 с.
7. Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси / В. И. Мартынов. – М. : Прогресс-Традиция : Русский путь, 2000. – 224 с
8. Мартынов В. И. История богослужебного пения : учеб. пособие / В. И. Мартынов. – М. : РИО Федеральных архивов : Русские огни, 1994. – С. 240.
9. О церковном пении : сб. ст. / сост. О. В. Лада. – М. : Лодья, 2001. – 159 с.
10. Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2008-2009 (Полное Собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 3, 4). Т. 2. С. 461–610.
11. Флоренский П. А. Христианство и культура / П. А. Флоренский; вступ. ст. и примеч. А. С. Филоненко. – Харьков: Фолио, 2001. – 672 с.
12. Хоружий С. С. О старом и новом / С. С. Хоружий. – СПб., 2000. – С. 439.
13. Хориков И. П. Новогреческо-русский словарь: около 6700 слов / И. П. Хориков, М. Г. Малеев; под ред.: П. Пердикиса и Т. Паподопулоса. – М. : Рус. яз., 1980. – 856 с.

¹ Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси / В. И. Мартынов. – М. : Прогресс-Традиция : Русский путь, 2000. – С.193

Musical medieval aesthetics and its connection with the orthodox ascetics

Anna G. Erzaulova

PhD of Cultural Studies,
Associate Professor,
Department of Philosophy and Social Sciences,
Humanitarian-Pedagogical Academy,
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
298635, 2-a, Sevastopol str., Yalta, Russian Federation;
e-mail: erzaulova@mail.ru)

Abstract

The Middle Ages, spanning almost a millennium, is permeated by the Christian doctrine of being and is characterized by the formation of fundamental Christian dogmas, which later became the religious and philosophical foundation of all Christian teachings, this phenomenon was called patristic. The foundations of Christian doctrine were developed by thinkers, whose works included religious and philosophical ideas about things. Subsequently, they began to be called the Fathers of the Church, and the literature they created was "patristic." The main theme of thinkers was the relationship of philosophy and religion. Influenced by the philosophical teachings of late Hellenism such as neo-Pythagoreanism and Neoplatonism, medieval musical aesthetics are formed, which perceive from the ancient heritage a tendency to numerical symbols and an allegorical interpretation of music, which brings it closer to poetry and grammar. The musical aesthetics of the Middle Ages was based on Orthodox asceticism, as the most perfect art that a person is able to master.

For citation

Erzaulova A.G. (2020) Muzykal'naya srednevekovaya estetika i ee svyaz' s pravoslavnoi asketikoi [Musical medieval aesthetics and its connection with the orthodox ascetics]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (1A), pp. 94-101. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.012

Keywords

Middle ages, patristics, orthodox asceticism, liturgical singing culture, musical aesthetics, metaphysics, synergy.

References

1. Arkhimandrit Kiprian. Antropologiya sv.Grigoriya Palamy`». – Kiev, 2006. – 434 p.
2. Arhimandrit Plakida Dezey. „Dobrotolyubie” i pravoslavnaya duhovnost / Plakida Dezey, arhimandrit. – M. : Pravoslavnyiy Svyato-Tihonovskiy gumanitarniy un-t, 2006. – 384 p.
3. Vasilik V. V. Proishozhdenie kanona (Bogoslovie, istoriya, poetika) / V. V. Vasilik. – SPb. : Izd-vo SPb. un-ta, 2006. – 306 p.
4. Epifanovich S. L. Prepodobnyiy Maksim Ispovednik i vizantiyskoe bogoslovie / S. L. Epifanovich. – M. : Martis, 2003. – 220 p.
5. Manzaridis Georgiy. Obozhenie cheloveka. Po ucheniyu svyatitelya Grigoriya Palamyi / Georgiy Manzaridis; per. s angl. V. Petuhova. – Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2003. – 127 p.
6. Martynov V. I. Konets vremeni kompozitorov / V. I. Martynov; poslesl. T. Cherednichenko. – M. : Russkiy put, 2002. – 296 p.

7. Martynov V. I. Kultura, ikonosfera i bogoslužebnoe penie Moskovskoy Rusi / V. I. Martynov. – M. : Progress-Traditsiya : Russkiy put, 2000. – 224 p.
8. Martynov V. I. Istoriya bogoslužebnogo peniya : ucheb. posobie / V. I. Martynov. – M. : RIO Federalnyih arhivov : Russkie ogni, 1994. – P. 240.
9. O tserkovnom penii : sb. st. / sost. O. V. Lada. – M. : Lodya, 2001. – 159 p.
10. Svyatitel Vasiliy Velikiy, Arhiepiskop Kesarii Kappadokiyskoy. Tvoreniya: V 2 t. M.: Sibirskaia Blagozvonitsa, 2008-2009 (Polnoe Sobranie tvoreniy svyatyih ottsov Tserkvi i tserkovnyih pisateley v russkom perevode; t. 3, 4). T. 2. P. 461–610.
11. Florenskiy P. A. Hristianstvo i kultura / P. A. Florenskiy; vstup. st. i primech. A. S. Filonenko. – Harkov : Folio, 2001. – 672 p.
12. Horuzhiy S. S. O starom i novom / S. S. Horuzhiy. – SPb., 2000. – S. 439.
13. Horikov I. P. Novogrechesko-russkiy slovar: okolo 6700 slov / I. P. Horikov, M. G. Maleev; pod red.: P. Perdikisa i T. Papodopulosa. – M. : Rus. yaz., 1980. – 856 p.